

Г. Ф. БЛАГОВА

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТЮРКСКИХ ЭТНОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Светлой памяти

Николая Константиновича Дмитриева

1. В потоке тюркизмов (и шире: ориентализмов), которые проникали в русский язык из различных тюркских языков в разные исторические периоды, особое место занимают этнонимы, ставшие неотъемлемой частью соответствующей номенклатуры русского языка. Судьба тюркизмов-этнонимов в русском языке неразрывно связана с историей возникновения и развития русско-тюркских контактов, с эволюцией народа, которому принадлежит изучаемый этноним, и, следовательно — с изменявшимся статусом самих объектов обозначения, новым дефинитивным применением некоторых из таких тюркизмов, что было обусловлено в первую очередь процессами сложения тюркских национальностей, вызывавшими в ряде случаев уточнение (или дажемену) их самоназваний. При этом оказалось целесообразно использовать методику семантического сопоставления тюркизмов-этнонимов в русском языке и их тюркских прототипов в языке-источнике не только в синхронно-генетическом, но и диахроническом плане.

Названные исторические причины не могли не вызвать относительной подвижности соответствующего круга слов русского языка на протяжении длительного периода. Только в середине 30-х годов XX в. нынешнее терминологизированное состояние, которое подразумевает как семантическую однозначность, так и стабильность фонетической формы, стало характерно для тюркских этнонимов, в совокупности составляющих системно-организованное микрополе внутри современной этнонимической номенклатуры русского языка. Подобное положение тюркских этнонимов в современной русской лексике, с одной стороны, а с другой — результаты разрозненного их изучения, которое до настоящего времени велось, как правило, в плане истории отдельных слов, позволяют распространить системный подход также и на эволюцию соответствующего отдела лексики русского языка. Настоятельная потребность системного освещения истории тюркской этнонимии в русском языке вызвана еще и тем, что эмпирически сложившиеся представления о произвольной бессистемности и путанице в этой области невольно проецируются представителями различных отраслей языкознания (в том числе — и общего языкознания) также на современное употребление соответствующих терминов¹.

Осуществление системного подхода представляет, однако, немалые трудности, особенно если учесть, что этнонимы заимствовались неоднократно из различных тюркских языков и при этом иногда, в порядке отражения фонетических, семантических или фонетико-семантических колебаний у заимствуемого слова в языках-источниках, вносились коррективы в звуковой облик и семантику первичного заимствования, а порой

¹ См.: Г. Ф. Б л а г о в а, Против архаизации тюркологической и алтаистической терминологии, «Народы Азии и Африки», 1970, 1.

вторичное заимствование как бы налагалось на первичное. В условиях, когда освоение таких тюркизмов осуществлялось к тому же то через непосредственные языковые контакты, то в результате книжного влияния, любой из изучаемых этнонимов, за небольшими исключениями, диахронически мог чуть ли не полностью воплотить в своих фонетических субституциях и семантических колебаниях всю возможную «шкалу адаптации» (по выражению Э. Хаугена) соответствующего слова русским языком. Исторически почти все анализируемые заимствования являлись в русском языке вариантными. Часть из этих заимствований, многозначных в русском языке, располагала лексико-семантическими вариантами (например, слово *казак*), которые в процессе развития вполне могли стать омонимами. Другие из заимствований были представлены в виде фонетико-семантических (на некоторое время ставших синонимическими) вариантов слов (*турки* — *тюрки*), за каждым из которых в ходе семантической специализации закреплялось различное значение и которые в итоге превращались в самостоятельные слова, причем отнюдь не синонимы. Наконец, третий разряд заимствований выступал в виде фонетических (дублетных, семантически тождественных) вариантов (*адербиджанский* / *азербайджанский*). Н. К. Дмитриев называл любые из таких диахронических вариантов «стадиями слова» и в связи с этим не раз подчеркивал, что «заимствование можно понять только в разновременном плане»². В своих устных выступлениях ученый указывал на необходимость изучения исторического движения этнонимов-ориентализмов и, в частности, стандартизации фонетического облика вариантных этнонимов в русском литературном языке; не менее важной он считал задачу выяснения как причин, по которым в литературном языке стабилизировался один из вариантов этнонима, так и хронологизации этих процессов в их взаимосвязи.

Первым шагом в предлагаемом исследовании явился поиск диахронических базовых (опорных, или ключевых) этнонимов, т. е. попытка выделить центральные единицы в развитии тюркской этнонимической номенклатуры в русском языке, послужившие ее ядром. Базовыми оказались особенно частотные в разные исторические периоды этнонимы *татары*, *турки* — *тюрки*: каждый из них в свое время использовался для обозначения обобщающе-родового этнопонятия, в своем развитии вступал во взаимодействие один с другим, порождая сложные окказиональные переплетения и специфическое словоупотребление. Иными словами, базовые термины в русском языке оказались связанными между собой отношениями с е м а н т и ч е с к о й к о р р е л я ц и и³, хотя слова *татары*, с одной стороны, и *турки* — *тюрки*, с другой, в языках-источниках не были семантически близки.

Отношения семантической корреляции — обобщающая семантика, соответственно: одинаковый характер выполняемых функций — позволяют выделить базовые этнонимы в лексико-семантическую группу (ЛСГ), особо влиятельную в составе тюркской этнонимии русского языка:

² Н. К. Д м и т р и е в, О тюркских элементах русского словаря, в его кн.: «Строй тюркских языков», М., 1962, стр. 507.

³ Термины «грамматическая корреляция», «словообразовательная корреляция» предложены Ю. С. Степановым (см. его «Семиотика», М., 1971, стр. 55 и сл.). Использованный здесь термин «корреляция» получил иное наполнение и истолкование (см. также ниже). Термин «семантическая корреляция» применен для обозначения отношений, которые в принципе схожи с отношениями взаимозаменяемости и синонимичности, но которые целиком не покрываются ни теми, ни другими. О синонимии всех перечисленных базовых этнонимов можно было бы говорить с большой натяжкой. О синонимичности пары *турки* — *тюрки* с точки зрения исторической также можно говорить условно: это были фонетико-семантические варианты разновременных заимствований с преобладанием нерасчлененно понимаемой общности их семантики.

входящие в ее состав обобщающе-родовые этнонимы в разные исторические периоды во многом определяли семантику и словоупотребление ряда конкретно-видовых этнонимических названий. Назовем эту ЛСГ по имени ее членов базовой. Выделение ее возможно с точки зрения как диахронии, так и исторического синхронного среза, поскольку замена одного родового термина другим чаще всего совершалась не без элемента стихийности, при весьма нередком совмещении и параллельном использовании чуть ли не всех трех терминов. Итак, второй шаг предлагаемого исследования имеет в основе принцип семантической корреляции, которая в данном случае поддается непосредственному наблюдению.

Диахронический анализ каждого из членов выделенной ЛСГ и их взаимоотношений позволит: 1) дополнить критерий семантической корреляции другими, обосновывающими объективность принятого выделения ЛСГ; 2) уточнить состав ЛСГ и ее системно-организованный характер в разные исторические периоды, а также выявить изменения в составе ЛСГ на протяжении XVIII—XX вв. по материалам русского книжного языка; 3) обнаружить ряды тех этнонимов, судьба которых в первую очередь оказалась сопряженной с различными изменениями в составе ЛСГ при ее эволюции. Из числа эволюционных процессов особое внимание уделялось преодолению как фонетической, так и лексико-семантической вариантности слов изучаемого круга во всем многообразии конкретных способов.

Последняя тема исследования важна потому, что она смыкается с вопросом о радикальном сокращении состава базовой ЛСГ в новое время и о перераспределении части ее членов между другими этнонимическими рядами. Естественно, при таком изучении потребовались последующие выходы за пределы базовой ЛСГ и широкое привлечение других рядов тюркских этнонимов.

2.1. Заимствованное через посредство тюркских языков монгольское слово *татар* было принято русским языком для обозначения не только монголов, но и завоеванных монголами тюркоязычных кочевых племен, участвовавших в нашествии на Русь в XIII в. Русск. *татары* (стандартизованная форма мн. числа; ср. *татааре*, *татарове*) в этой своей семантике, весьма вероятно, поддерживалось значениями слова-оригинала. Достаточно напомнить, что очень многие тюркоязычные народы имеют в своем составе родовые подразделения, носящие имя *татар*; на Дальнем Востоке татарами китайские историки, например, называли не только монголов, но и тюрков, маньчжуров и тунгусов. Видимо, именно на этой многозначности слова-оригинала (а не только в результате путаницы термина политического с этнографическим, как это принято было считать) слово *татары* сразу получило в русском языке огромную обобщающую силу и стало обозначать чуть ли не все народы Азии без различия в их этнической принадлежности; в этом оно сомкнулось с заимствованием *бусурмане/басурмане*, о котором см. ниже. Последующая эволюция этнонима *татар* у тюркоязычных народов в конечном счете не могла не воздействовать на русский узус, переплетаясь с происходившей там постепенной активизацией обобщающего значения сначала у слова *турки*, а затем у слова *тюрки* (см. об этом ниже). В результате слово *татары* стало развиваться в русском языке в направлении свертывания его обобщающе-комплексного значения. Уже с середины XVIII в. в книжном языке проявилось стремление сузить непомерно расширившуюся семантику этого слова; в научном стиле XIX в. за ним было оставлено лишь значение «тюрки северо-восточной Европы и Азии». В современном русском литературном языке это слово закрепилося в полном соответствии с нынешним самоназванием народа в качестве наименования поволжских и си-

бирских татар. На примере семантического развития термина *татары* ясно видна зависимость его судьбы от эволюции соответствующего этнографического понятия, от уровня этнографии как науки, от возобладавшей в ней тенденции использовать этнонимы-самоназвания, отказываясь от искусственных этнонимических построений.

Прежнее обобщающе-комплексное значение слова *татары* стало историческим для современного русского литературного языка, оставаясь все столь же важным для русской истории. В условиях современной специализации этого слова для выражения исторического значения была создана уточняющая композита *татаро-монголы* (с менее регулярным вариантом *монголо-татары*). Такой именно путь семантической специализации был избран потому, что наблюдавшиеся на протяжении истории слова *татар* в русском языке немногочисленные дублетные варианты — *тстар*, *тартар* — фонетически не годились для статуса самостоятельных лексем.

Итак, одна из сем, прежде нерасчлененно входивших в пучок обобщенно-комплексного значения, при утрате последнего самим базовым этнонимом, реализуется в виде искусственно созданной композиты, которая становится самостоятельной лексической единицей. Примечательно, что именно она остается в пределах изучаемой ЛСГ, в то время как породивший ее этноним *татары*, перестав быть обобщающим, перешел из базовой ЛСГ в другой тематический ряд (конкретные наименования конкретных народов).

2.2. Этноним *тѣрк*, самоназвание многих средневековых и современных тюркоязычных народов (в их числе турки, а исторически — и азербайджанцы, узбеки, татары, гагаузы), при неоднократном проникновении его в русский язык всякий раз отражал лишь одну из сторон семантического многообразия слова-оригинала. Этому в известной мере способствовало и то обстоятельство, что русский язык фонетически неодинаково осваивал этноним в хронологически разные моменты заимствования.

Первоначально слово *тѣрк* было воспринято русским языком в варианте с широким губным гласным. См.: ед. число *тор(ѣ)чин*⁴ с вариантами мн. числа *торчи* (Ипат. лет. ок. 1425 г.), *торци* (Лавр. лет. 1377 г.), *торки*, *торкы* (Радз. лет. XV в.)⁵ и вариантами производных прилагательных *торьский* и *торьский* (XV в.), *торческий* (XIV в.), *торцьский* (XIV в.), *торьскому* (XV в.). Это гнездо слов было утрачено русским словоупотреблением в связи с исчезновением обозначаемых им приднестровских торков, поглощенных татаро-монгольским нашествием.

Вторичное заимствование слова *тѣрк* осваивалось в варианте с узким губным гласным и означало турок, нового грозного южного соседа России. Это новое и по своему значению, и по звуковому облику слово тем не менее первоначально приняло некоторые грамматические формы (оформление по категории числа, образование прилагательных) своего предшественника. См. для ед. числа: *турчин* (XV — XVII вв., ср. *торчин*), *тѣрчя(а/е)нин* (XVI — XVII вв.), *турь(о)к* (XIV в.). Для мн. числа

⁴ См.: Юр. прл. XIV в., л. 8 б — в (здесь и ниже приняты сокращения картотек Древнерусского словаря, которые хранятся в Институте русского языка АН СССР и которыми автор воспользовалась при написании статьи); Лавр. лет. 1377 г., л. 46 об — л. 47, лл. 88, 92; Прилуцк. прл. XIV—XV вв. л. 203 а — б. Более детализованный материал, как и подробную документацию приводимых здесь ниже примеров, см.: Г. Ф. Б л а г о в а, Вариантные заимствования *турок* ~ *тюрк* и их лексическое обособление в русском языке, «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973.

⁵ Форма *тѣрки*, *тѣркы* является обобщением первоначальной формы аккузатива при им. мн. *тѣрци* (см.: М. Ф а с м е р, Этимологический словарь русского языка, IV, М., 1973, стр. 83).

в XV в. и даже в XVII в. использовалась старая форма *турци* (1686; ср. *торци*, последнюю форму М. Фасмер считает «только др.-русск.») наряду с *түрчане* (-я, -ы — XVI — XVII вв., ср. *торчи*), *туркове* и, наконец, *турки* (1649—1653, ср. *торки*). Из форм прилагательного наиболее распространенной долго была *турский* (XIV в., ср. *торський*), *туркский* (1669, 1675—1678), см. также *туцким* (XVI в., ср. *торцъский*). Из приведенного материала видно, что именно формы старого заимствования — *торчин*, *торци/торчи/торки*, *торський/торцъский* — послужили для нового заимствования при его внедрении в русский язык как бы отправной точкой для последующего развития. Подобное сообразование позднего заимствования с более ранним заимствованием того же слова по признаку словообразования, а отчасти и словоизменения назовем грамматической корреляцией.

Пока не представляется возможным с достоверной точностью датировать проникновение в русский язык третичного, по всей вероятности, заимствования *тюрк* с сохранением мягкости начального *т'*-оригинала и с узкой губной гласной. Тем не менее, уже в конце XVI — XVII в. наблюдалось безразличное употребление палатализованного варианта *тюрк* рядом с уже прижившимся депалатализованным *турък*, *турок*. Параллельное использование вторичного и третичного заимствований, фактически низводившее их к уровню фонетических вариантов, было особенно характерно для памятников дипломатического жанра, в которых наблюдалось стремление приблизить звуковой облик этнонима в русской передаче к произнесению слова-оригинала. См., например, палатализованную передачу личного имени, в состав которого входит этноним, *Тюрк Имирь*, тв. п. *Тюркемирем* в «Книгах персидского повытья...» (1588—1593). См. также в переводах с Шах Аббасовых грамот (1600—1613): «тюрецкие люди», «тюрецкий царь», «тюрецким государем» наряду с «турсецкий государь». Любопытно, что палатализованный вариант (*тюрецкий*) здесь принял модель прилагательного, установившуюся для депалатализованного варианта (*турсецкий*). В этом факте можно видеть, во-первых, подтверждение более позднего проникновения варианта *тюрк* в русский язык и свидетельство первоначально изустного характера его обработки там; во-вторых — проявление грамматической корреляции, которой охватывались все три диахронических заимствования *торк* — *турк* — *тюрк* на первых порах освоения последних двух. Эти факты не позволяют рассматривать слово *тюрк*, укоренившееся в русском книжном языке 20—30-х годов XIX в., как новое (книжное, из немецкого языка) заимствование: его внедрению, несомненно, способствовало то, что в русский язык этот вариант проник примерно на два с половиной века ранее.

Таким образом, даже при разновременных и разноречивых заимствованиях одного и того же слова-оригинала все варианты, возникшие в процессе его освоения и сохраняемые в языковой памяти народа, а также все производные этого слова оказываются сопряженными отношениями грамматической корреляции. Эти отношения проявляются в том, что каждое вновь проникающее в русский язык заимствование того же слова-оригинала, независимо от модуляций его звукового облика и значения, языковое сознание хотя бы на первых порах стремится освоить путем формо- и словообразовательной аналогии с уже имеющимся или некогда существовавшим заимствованием того же слова. В этом находит одно из своих проявлений системная тенденция освоения этнонимов в базовой ЛСГ. В дальнейшей истории пары *турки* — *тюрки* грамматическая корреляция, отвечая тенденции к раздельности каждого из вариантов, могла, во всяком случае — уже с начала XIX в., проявляться и нега-

тивно (негативная грамматическая корреляция), а именно — в распределении и закреплении противопоставленных друг другу словообразовательных форм за каждым. Ср. *тюркский*, но *турецкий*; *тюркизм*, но *турцизм* (иногда: *турчизм*); *тюркизировать*, но *отуречить*; *тюркиз(ир)ованный*, но *отуреченный* (ср. «потурченцы»). Заметим, что в чисто книжных (палатализованных) формах письменный образ заимствования, т. е. его основа, сохраняется в неприкосновенном виде. Напротив, в изустно усвоенных (депалатализовавших) формах основа изменена различными звуковыми чередованиями, приводящими заимствование в максимальное соответствие с нормами русского языка.

Русские разновременные заимствования *торкы/торци* и *турки* использовались прежде всего для обозначения конкретного тюркоязычного народа, с которым в тот или иной период истории приходилось общаться русским. Однако более широкое значение, присущее слову-оригиналу, неизменно на всех этапах налагало некоторый обобщающий отпечаток на контекстное употребление этих заимствований. Этот элемент значения уже для первичного заимствования может быть выделен в качестве семы, которая реализуется самой возможностью для слова *торкы/торци* как обобщающе-родового показателя сочетаться с тем или иным видовым (племенным) наименованием (*Беренди* или *Берендичи*, *Чернии Клобуци*). См. в Лавр. лет. 1377 г., лл. 89, 97, 111: «Торчинъ имене^м Беренди», «бѣжаша Торци Берендичи из Рускыѣ земли», «Торци вси Чернии Клобуци». Позднее та же сочетаемость и, следовательно, та же сема станут характерны и для вторичного заимствования *турки* (как и для третичного *тюрки*). См. в середине XVII в.: «Тут кочуют *туркмены*, язык *турской*, и то есть старые *турки*» («Проскинитарий» Арс. Суханова), в начале XIX в.: «*туркмены* говорят *турецким* языком» (1822), ср. «сартское наречие тюркского языка» (1899).

С расширением и углублением лингвистических и этнографических познаний в России возникала надобность идентифицировать разные тюркские народы и племена (в первую очередь — турок и татар) как народы, принадлежащие к одной языковой семье; вместе с тем стала ощущаться и необходимость обобщающего родового этнонима для всех этих народов. В русском книжном языке наметилась тенденция, опираясь на традицию обобщающего употребления этнонима, использовать вторичное заимствование *турки* (*турецкий*) в качестве родового наименования. Тем самым обобщающе-родовая сема должна была стать ведущей в семантической структуре этого слова. Дело, однако, осложнялось тем, что для общенародного языка такое использование этого слова было совсем не основным, а, можно сказать, периферийным; традиционное конкретно-видовое значение оставалось преобладающим, наиболее сильным. В то же время еще живой была обобщающая семантика слова *татары*. Именно поэтому в книжном языке слова *турки* и *татары* стали употребляться в тесном соположении, то взаимодополняя друг друга, то отождествляясь друг с другом. На подготовленной таким образом почве и благодаря стимулирующему воздействию книжно-немецкого *türkisch-tatarisch* (ср. *Türko-Tataren*) образовалась композита *турецко-татарский*, функционирование которой в общем ограничивалось сферой книжного специализированного языка и не исключало поэтому употребления других базовых этнонимов.

Существование в русском книжном языке XIX в. в качестве обобщающе-родовых наименований *турецкий*, *тюркский* и *турецко-татарский* привело к неоднозначным результатам. С одной стороны, композита *турецко-татарский*, безусловно, способствовала активизации обобщающего использования слова *турецкий*. Явившись промежуточным звеном

в смысловом развитии слова ⁶ *турки* (*турецкий*), композита способствовала тому, что в книжном языке в семантике этих слов на первый план была выдвинута сема обобщающе-родовая. Тем самым здесь стала прогрессировать в принципе нежелательная омонимичность слова *турки* (и его производных), поскольку оно наряду с родовым этно-понятием продолжало выражать и видовое понятие. С другой стороны, начиная со второй половины XIX в., состав композиты был сообразован с внедрившимся в научный обиход словом *тюрки* (прилагательное — *тюркский*), которое употреблялось преимущественно в родовом значении. Возникшие в результате композиты *тюрко-татары*, *тюрк(ск)о-татарский* приведены в полное соответствие немецким *Türko-Tataren*, *türko-tatarisch*.

В период, когда терминологическая неупорядоченность допускала параллельное употребление перечисленных обобщающе-родовых наименований, как варианты *турки* — *тюрки*, так и *татары*, а отчасти и композита *турецко-татарский* могли порождать почти одинаковые по составу определительных компонентов и по длине, т. е. достаточно точно (и полно) коррелируемые, цепочки композит и словосочетаний с любым из этих базовых этнонимов в основе. Подобную способность базовых этнонимов к точно соотносимо порождению усложненных образований со специализированными значениями назовем лексической корреляцией. Вариант *турки* порождал, например, следующие словосочетания и композиты: *турецко-татарский* — *азербайджанские турки* (1906) ~ *турецко-азербайджанский* (1899)/*азербайджанско-турецкий* (вплоть до конца 20-х годов XX в.) — *турки-османы* (1835)/*турки-османлы* (1821)/*османские турки* (1876) ~ *турецко-османский* (1846)/*османли-турецкий* (1849)/*османско-турецкий* (1835; употребляется и ныне) — *турецко-джагатайский* (1835)/*джагатайско-турецкий* (1868) — *среднеазиатско-турецкий* (1928). Эти образования весьма точно соотносятся с теми, которые порождались вариантом *тюрки*: *тюрк(ск)о-татарский* — *азербайджанские тюрки* ~ *азербайджан(ск)о-тюркский* (вплоть до 30-х годов XX в.) — *тюрки-османы* (1896) / *тюрки-османлы* (1848) ~ *тюркский язык османлы* (1866)/*османо-тюркский* (1955) — *джагатайско-тюркский* (1850) — *среднеазиатские тюрки* (1894); ср. *тюркские казаки* (1862).

Хотя слово *татары* как базовый этноним единодушно признавалось устаревшим, однако вплоть до начала XX в. на его основе также производились соответствующие композиты и словосочетания. Прежде всего следует указать на участие слова *татары* в обоих вариантах обобщающей композиты — *турецко-татарский* и *тюрк(ск)о-татарский*, что, несомненно, способствовало оживлению в нем обобщающе-комплексной семы. Ср. также *татары азербайджанские* (1902) и *татарско-азербайджанский* (последний компонент по годам представлен в самых различных вариантах — 1824, 1861, 1899, 1913), *татарский язык кавказско-азербейджанского наречия* (1904); *джагатайтатарский* (1847) и *татарско-джагатайский* (1902), *среднеазиатские татары* (1894), *туркменские татары* (1777), ср. *казакские татары* (до конца XVII — начала XVIII в.) и *татарские казаки* (1745). Примечательно, что композита *турецко-татарский*, стремясь занять подобающее место в ЛСГ, имела тенденцию хотя бы частично вступить в отношения лексической корреляции с базовыми этнонимами *татары*, *турки* — *тюрки*, порождая при этом, правда, единичные соче-

⁶ Термин Р. А. Будагова, см. его «Сравнительно-семасиологические исследования», [М.], 1963, стр. 139 и сл. О роли композит в формировании изучаемой номенклатуры см.: Г. Ф. Б л а г о в а, Композиты и становление тюркской этнонимно-лингвистической терминологии в русском языке, «Советская тюркология», 1973, 4.

тания, вроде *турецко-татарское азербиджанское наречие* (1857)⁷ или *монголо-турецко-татарский* (1879).

Наблюдения над лексической корреляцией базовых этнонимов *татары*, *турки* — *тюрки*, а также композиты *турецко-татарский* подводит нас к парадоксальному утверждению о том, что даже терминологическая неупорядоченность в базовой ЛСГ проявлялась в системно-организованном виде. Лексическая корреляция, как и грамматическая корреляция, может быть использована в качестве одного из критериев выделения изучаемой ЛСГ.

Это можно подтвердить одним негативным примером. Так, отношения лексической корреляции не распространяются, например, на проникшее в русский язык через устные каналы слово *бусурман(ин)/басурман(ин)* (< тюрк. диалектн. *бусурман* ~ *бусулман* ~ *мысырман* ~ *мусурман* < тюрк. *мусулман* < араб.-перс. *муслиман*)⁸. Уже тот факт, что слово это не участвует в описанной лексической корреляции, говорит за то, что оно находится за пределами базовой ЛСГ, хотя оно широко использовалось в русском разговорном языке, особенно старшей поры, как обобщенное наименование иноземца по признаку иной веры (кроме христианской). И хотя в старых текстах слово *басурмане* нередко употреблялось как синоним слов *татары* или *турки*, однако в книжном языке эта синонимия не могла быть поддержана уже потому, что *басурмане* принадлежало иной сфере русского языка — разговорной. В книжном же языке был представлен поздний этимологический коррелятив этого слова — *мусульманин* в значении «исповедующий ислам»⁹, который проник сюда по книжным каналам и поэтому характеризовался точной фонетической передачей слова-оригинала и сохранением его семантики. Надо заметить, что с самого начала здесь четко проводилась оппозиция «термин — нетермин». Это были два разных слова с различным звуковым обликом, различной семантикой и принципиально разными сферами функционирования, исключавшими самую возможность их параллельного использования, как и возможность проникновения слова *басурман(ин)* в книжный язык.

Возвращаясь к эволюции вариантов *турки* — *тюрки* (*турецкий* — *тюркский*), подчеркнем, что и в дальнейшем их судьбы были тесно переплетены. Возраставшее национальное самосознание народов колониальных окраин России обусловило то, что в конце XIX — начале XX в. этноним *түрк* стал широко употребляться как самоназвание азербайджанцами, татарами, узбеками в национальной печати и в официальных документах. Это словоупотребление вызвало появление в русск. *тюрк* конкретно-видовой семы, которая особенно явственно реализовалась в официально-канцелярском стиле, распространяясь также и на научный стиль; в частности, это одна из причин возникавших композит, небольшая часть которых приводилась выше. Особенно надолго задержалось в русском языке официальное именование азербайджанцев «тюрками» — практически от него отказались только в 1936 г. В этих условиях и по причине активизировавшегося совмещения в слове *тюрки* (*тюркский*) тех же двух сем, что и в слове *турки* (*турецкий*), — родовой и видовой, в первом развилась столь же нежелательная омонимичность, как и во втором.

⁷ См. еще: «Турецко-татарско-русский словарь наречий: османского, крымского и кавказского» Л. М. Лазарева (М., 1864).

⁸ Сводку литературы и материала см.: Г. Ф. Б л а г о в а, Историко-этимологические заметки о словах *басурманин* — *мусульманин* и *магометанин* — *мұхаммеданин*, «Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка», М., 1969.

⁹ Ср., однако, в Никон. под 6333 г. упоминание о «царе Мусулмане».

Тюркологи искали выход из создавшегося терминологического тупика. Один из способов решения проблемы был предложен в связи с распространением книжной композиты *османско-турецкий* в конкретно-видовом значении (в 20—30-х годах XX в. ее заменила *анатолийско-турецкий*): благодаря этому освобождалась «семантическая клетка» (термин Н. И. Толстого) *турецкий*. Имея это в виду, Ф. Е. Корш и А. Н. Самойлович в свое время заявили об «излишности» слова *тюркский* в обобщающем смысле, призвав тюркологов пользоваться в «необходимом значении» «синонимичным» словом *турецкий*¹⁰ (хотя синонимичность этих двух слов была свойственна преимущественно книжному языку).

Видимость произведенного таким образом терминологического упорядочения была разрушена в 20-х годах событиями отнюдь не лингвистическими — кемалистской революцией, свержением османской династии, провозглашением Турции республикой в 1923 г. В результате этих событий сочетание *османские турки* и композита *османско-турецкий* сохранились в своем историческом значении; предложенные взамен их сочетания *анатолийские турки*, *малоазиатские турки*¹¹ как видовые этнонимы не прижились; в качестве этого последнего утвердился термин *турки* (*турецкий*). Вместе с тем упорядочение этнонимической номенклатуры, осуществленное в 1936 г. в СССР, освободило семантическую клетку *тюркский* от конкретно-видовой семантики (азербайджанские «тюрки» стали именоваться азербайджанцами), положив конец омонимичности этого слова, и сразу же оно было закреплено в качестве обобщающе-родового обозначения, т. е. того, с которым нежелательно связывать звуковой аналогией конкретное наименование еще одного народа. Этноним *турки* выбыл из состава базовой ЛСГ, переместившись в разряд конкретных видовых наименований.

Так распались отношения семантической корреляции, которые издавна связывали пару *турки* (*турецкий*) — *тюрки* (*тюркский*). Если прежний, чуть ли не зеркально-точный параллелизм в семантическом развитии и лексическая корреляция пары *турки* — *тюрки*, невзирая на различия фонетического облика и ряда грамматических и производных форм, удерживали их в положении фонетико-семантических вариантов, то произошедшее кардинальное семантическое размежевание сразу утвердило за каждым из бывших вариантов статус самостоятельного слова. В этом отличие эволюции фонетико-семантических вариантов, возникавших в результате неоднократных заимствований слова-оригинала, от судьбы дублетных вариантов однократного заимствования типа *татар* — *тотар*.

Таким образом, внутри одной ЛСГ представлены различные способы лексико-семантического развития этнонимов, по-разному преодолевается их вариантность и в зависимости от этого неодинаково складывается судьба композит, возникавших в ходе эволюции. Там, где фонетические расхождения дублетных вариантов незначительны и не несут особого семантического заряда, композит принимает на себя историческое значение (*татаро-монголы*). При наличии же вариантов с заложенными в них не только фонетическими, но и семантическими, а также формо- и словообразовательными отличиями, композиты выполняют временную роль катализатора обобщающего значения [*турецко-татарский*, *тюрк-*

¹⁰ См., например: Ф. Е. Корш, Происхождение формы настоящего времени в западно-турецких языках, «Древности восточные», III, 1, М., 1907, стр. 1, примеч. 1; А. Самойлович, Памяти П. М. Мелиоранского, ЗВО РАО, XVIII, 1, Спб., 1907, стр. 07.

¹¹ Композита *анатолийско-турецкий* (реже *малоазиатско-турецкий*) используется в турецкой диалектологии.

(ск)о-татарский] у соответствующих этнонимов, а после выполнения этой функции — от них отказываются как от окончательно устаревших.

3. Остановимся теперь на тех этнонимах, судьба которых оказалась сопряженной с базовой ЛСГ, и, прежде всего — на тех, которые в качестве определительных компонентов вошли в композиты из приводившихся выше коррелируемых цепочек.

3.1. С превращением фонетико-семантических вариантов *турки* — *тюрки* в самостоятельные слова тесно связана судьба прежних именованных турок османами, османцами или османлы, а их языка — османским. Для русского языка эти слова — заимствование из турецк. *osman*, *osmanlı*, которое в свою очередь восходит к арабскому антропониmu 'и³ман > турецк. *Osman* — имени основателя (1252—1326) султанской династии в Турции. Вторичное заимствование той же основы в искаженном виде *оттоман* — проникло в русский язык книжным путем через французское посредство¹². В русском языке оба заимствования — *осман* и *оттоман*-, датируемые XVIII в., сразу приобрели статус фонетических вариантов (см. также эпизодические *отманские*, *отоманы*¹³): в этот период они не имеют отличий в своем словоупотреблении и сочетаемости с другими словами; ср. «Оттоманская порта» (1720-е гг.), «оттоманстии монархии» (1706—1728) и «Османское государство» (1770), «владение Османов» (конец XVIII в.). Еще Пушкин безразлично использовал формы *османы* и *отоманы*, отражая словоупотребление своего времени. К середине XIX в. намечаются закрепившиеся впоследствии функциональные различия этих вариантов, ср. «Оттоманская империя». [сочетание *оттоманский язык* встречалось крайне редко (1854) и может считаться окказионализмом] и применительно к языку и народу — «османский». В соответствии с этим в книжном языке как существительные с почти этнонимическим значением стали употребляться *османы*, *османлы/османли*, *османцы*, а также приведенные выше композиты. Семантическое размежевание различных по своим источникам заимствований *осман*- и *оттоман*-вызвало действие негативной грамматической корреляции в области словообразования. Так, из производных слова *оттоман*- удалось разysкать в специальной литературе только окказиональные образования *оттоманизм*, *оттоманизация* (в политической сфере). Большой функциональный диапазон слова *осман*- обусловил и относительно большее количество производных, ср.: *османист*, *османистика* (название одной из областей тюркологии), *османизаторы* (в языковой политике) и *османизованные* (греки). Семантическое размежевание закрепилось, таким образом, и в различии словообразовательных рядов, что в совокупности превратило прежние фонетические варианты *осман*- и *оттоман*- в самостоятельные слова.

Позднее заимствование из французского *оттоман* «широкий и мягкий диван с подушками, заменяющими спинку» с фонетической и формальной сторон ничем не отличалось от основы более раннего *оттоманский*: в ранней фиксации 1802 г. в этом значении представлена не осложненная словообразовательными суффиксами основа *оттоман*¹⁴. Фонетическое тождество этих двух заимствований заставило русский язык распорядиться ими таким образом, чтобы избежать при этом явления омонимии.

¹² См.: Н. К. Дмитриев, Строй турецкого языка, Л., 1939, стр. 3 (в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в.», V, М., 1967, стр. 262 против «Оттоманская порта» значится «через англ. яз.»).

¹³ О первой форме см.: «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, XXXIV, Спб., 1902, стр. 204; ср.: Leunclavius, Annales Sultanorum Othmanidarum, Frankfurt, 1596. Вариант *отоманы*, встречающийся в XVIII в., зафиксирован в «Словаре языка Пушкина» (3, М., 1959, стр. 225).

¹⁴ Н. М. Карамзин, Избр. соч., М.—Л., 1964, стр. 733.

Для слова *оттоман*, обозначавшего род мебели и фонетически идентичного более раннему заимствованию *оттоман*-, место в лексической системе русского языка определилось с учетом складывавшейся функциональной специализации *оттоман*- и *осман*-, в результате которой семантическая клетка *оттоман*- высвобождалась от этнонимического значения.

Превращение лексико-семантических вариантов из гнезда *оттоман*- в отдельные слова было достигнуто четким распределением словообразовательных рядов: *оттоман*- в значении регионально-государственном получило форму прилагательного (*оттоманский*, ср. выше редкостные производные от него); напротив, существительное со значением мебели было снабжено суффиксом женского рода, т. е. категории, практически никогда не реализовавшейся в словах *осман*-/оттоман-. Иначе говоря, грамматическая корреляция двух слов, хотя и принадлежащих одному корневому гнезду, но относящихся к различным ЛСГ, проявляется негативно — в противопоставленности словообразовательных форм, закрепленных за каждым из этих слов.

3.2. Не менее органично было связано в своем развитии слово *азербайджан*- с базовой ЛСГ, поскольку исторически почти все базовые этнонимы (и в XX в. особенно активно — *тюрк*) использовались для именования азербайджанского народа и его языка, порождая при этом соответствующие уточняющие композиты.

Само же заимствование *азербайджан*-, однозначное как в тюркских языках, так и в русском, из-за трудностей освоения дало в книжном языке целый ряд фонетических вариантов, где разночтения затрагивали как вокализм (-е- вместо -а-), так и консонантизм слова (субституция -д- вместо -з-, метатеза -дре- < -дер-, открытость третьего слога или йотация его). См.: *адребиджанский* (конец XVIII в.); *адербиджане/адербиджанцы*, *Азербазджан* (середина XIX в.); *адербейджан*- и *адербеджан*- в одном тексте (60-е гг. XIX.); *адербейджаны* и *адербайджаны* в одном тексте (начало XX в.). Наиболее поздняя фиксация *Азербейджан* относится к 1927 г., наиболее ранняя фиксация современного *азербайджанский* — к 1906 г.; компромиссная форма *Азербейджан* употреблялась вплоть до 1934 г. Для развития вариантов в отдельные слова здесь не было оснований с точки зрения как фонетической, так и семантической. В результате упорядочения этнонимической номенклатуры в 1936 г. был окончательно утвержден вариант, наиболее точно отвечавший произношению носителей обозначаемого языка: *азербайджан*-.

4. Этнонимы *туркмен*, *тузмен*, прежде бывшие фонетическими вариантами одного заимствования, представляют собой особый случай в плане специфичности исторически многообразных взаимоотношений с изучаемой ЛСГ, в состав которой они не входят. Являясь, как и *азербайджан*-, однозначным при проникновении в русский язык, этот тюркизм при его освоении здесь породил множество фонетических вариантов, основанных, в частности, на консонантном модулировании (метатеза: *тур*- > *тру*-, субституция -к- посредством -х-). Варьирование по линии вокализма, практически перекрещивавшееся с консонантными модуляциями, имело своей опорой системность восприятия русским языком фонетически сходных и этимологически связанных друг с другом заимствований. Дело в том, что в тюркских языках этноним *türkmen* воспринимается как этимологический дериват слова *türk*; этимологическая сопряженность этих этнонимических заимствований или хотя бы их фонетическая схожесть продолжает ощущаться и в русском языке.

Наблюдения над многочисленными вариантами изучаемого заимствования показали, что в разные периоды освоения по своему фонетическо-

му облику они приводились в соответствие с вариантами базового этнонима *торк* — *турк* — *тюрк*. Конкордированная огласовка вариантов этих двух заимствований представлена, например, в Лаврентьевской летописи 1377 г. — *торъки*, с одной стороны, и *тортмени/торкмене*, *тортъмени/торкмени*¹⁵, с другой; см. также более позднюю передачу топонима, принадлежащего тому же этимологическому гнезду, *Торкустан* (1740—1741).

С укоренением в русском языке вторичного заимствования *турки* соответственно изменилась огласовка и его деривата — *Туркмень*, *туркменцы* (1624). Слово это часто претерпевало метатезу — «ис *Тукърмескыя Земли*» («Хожения» Аф. Никитина, XV в.); *трукменцы*, *трукменским* (1647; ср. также топоним *Трукустан* — 1624). Иногда при этом мог происходить переход задненебного взрывного *к* в задненебный щелевой *х* — *трукменцы*, *трукменские* (1645, 1647); ср. также *турхмен*.

В связи с проникновением в русский язык более позднего палатализованного варианта *тюрк* в XVII в. становятся употребительными также палатализованные формы *тюркмен*, *тюрхмен*, *трюкмен*, *трюхмен*¹⁶; ср. передачу топонима из того же этимологического гнезда — *Тюркистан* (1643) и *Тюркустан* (в «Книге, глаголемой Большой Чертеж»). В соответствии с все большим распространением базового этнонима *тюрк*, с одной стороны, и тенденцией максимально сблизить этноним в русском языке с самоназванием народа, им обозначаемого, с другой, в книжном языке вариант *тюркмен*, *тюркман* продолжал довольно широко употребляться на протяжении всего XIX в. (например: 1835, 1850, 1854, 1866, 1880) и в самом начале XX в. (1907), сосуществуя с депалатализованными *туркмен* и *трукмен*.

Фонетическая зависимость деривата от его корневого слова, спроецированная из языка-источника на заимствующий язык, могла сохраниться в последнем только благодаря системности освоения им заимствований. Такие фонетически уподобляющие взаимоотношения между вариантами этимологически связанных друг с другом тюркизмов назовем *фонетической корреляцией*. Несмотря на важное место, занимаемое этим типом корреляции в ряду средств, системно организующих этнонимическое микрополе, следует все же признать, что фонетическая корреляция не может привлекаться в качестве решающего критерия при отношении этнонима к базовой ЛСГ: все варианты слова *туркмен*, будучи конкретно-видовым обозначением, всегда оставались за пределами этой ЛСГ, хотя фонетически и согласовывались в каждый исторический период с ведущим вариантом базового этнонима.

Упомянутые варианты оставались чисто фонетическими, тождественными семантически, вплоть до новейшего времени, когда был стабилизирован один из них — *туркмены* — в качестве самостоятельной лексемы-термина. В выборе именно этого термина решающую роль сыграла, прежде всего, фонетическая корреляция со словом *турки*, более глубоко укоренившимся в русском общенародном языке, нежели слово *тюрки*. Не менее важной оказалась и возникшая в 30-х годах XX в. семантическая

¹⁵ Ср. в Лавр. лет. 1377 г. (л. 158) вариант *таумены*, претерпевший еще более существенную фонетическую трансформацию, в том числе делабилизацию *о > а*. Вариант *таурмень* отмечен в кн.: И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка, СПб., 1882, слб. 98. Аналогичный процесс делабилизации *у > о* представлен в русск. *Салтан* (< *солтан* < тюрк. *султан*).

¹⁶ См.: «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», I, СПб., 1890, стр. 295; «Посольство в Персию кн. Андрея Дмитриевича Звенигородского», Труды Восточного отделения РАО», 20, 1892, стр. 282; «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, Л., 1932, стр. 145, 294, 309, 310, 312, 319.

корреляция слов *туркмены* и *турки* как принадлежащих к разряду конкретно-видовых этнонимов. Имело значение также то, что вариант *туркмен* широко использовался в русской устной и письменной традиции, по крайней мере, с XVII в.

При наметившейся тенденции отдельного именования территориально обособившейся этнографической группы северокавказских (ставропольских) туркмен с их особенностями языка и быта¹⁷ был выбран один из отвергнутых прежде вариантов, а именно *трухмен*. При этом выборе в качестве решающих факторов действовали фонетическая и семантическая корреляции (ср. исторические варианты *трюкмен*, *трюхмен* и даже *трукмен* — первые два не подходили для указанных целей потому, что создавали ненужные фонетические и семантические ассоциации с родовым термином *тюрк*; вариант *трукмен* нес в себе недостаточные отличия от этнонима *туркмен*, выделяясь только метатезой). Выбор решило также и то, что вариант *трухмен*, который М. Фасмер дает с пометой «народы»¹⁸, в свое время был достаточно широко употребителен в русском книжном языке.

Таким образом, вариантность этнонаименований в описанном случае преодолевалась при строгом соблюдении фонетической и семантической корреляций, в чем и нашло проявление стремление к известному терминологическому единообразию и последовательности.

5. Другие именования тюркских народов Средней Азии образуют конкретно-видовые ряды, которые не связаны с базовой ЛСГ ни одним из типов корреляции (лишь как компоненты соответствующих композит, имеющих базовые этнонимы в основе, они косвенно участвуют в лексической корреляции). В плане же преодоления вариантности наблюдения над лексико-семантическим развитием любого из таких наименований оказываются весьма показательными¹⁹. Особо интересный способ преодоления вариантности представляет случай, когда в момент заимствования у слова не было вариантов как в языке-источнике, так и в русском языке, и семантика его вполне совпадала в обоих языках; впоследствии под воздействием различных факторов истории носителей того и другого языка, семантическое развитие слова в этих языках пошло разными путями. Жизненная важность соответствующих различных понятий, исторически сложившихся у того и другого народа, делала необходимыми их отражение в русском языке; слово же было одно; возникали своего рода «семантические пожницы». Для того чтобы избежать этой ситуации, звуковой облик одного из таких далеко разошедшихся лексико-семантических вариантов искусственным образом трансформировался, тем самым закреплялась лексическая самостоятельность каждого из прежних вариантов. Рассмотрим этот способ на примере развития лексико-семантических вариантов слова *казак*.

Слово *казак* в языках тюркских народов центральных и юго-восточных степей современного Казахстана (Дешт-и-Кыпчак) и сопредельных районов современного Узбекистана сначала имело сему социальной обездоленности: оно означало неимущего изгоя-скитальца, отделившегося от своего улуса и лишившегося надеда кочевий (или земли) и имущества. От этого первичного значения развилось вторичное значение вольного, отважного молодца, ищущего свободу и богатство в добычах на войне

¹⁷ См.: Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960, стр. 124—125; БСЭ², 43, 1956, стр. 548.

¹⁸ М. Фасмер, указ. соч., IV, стр. 124.

¹⁹ См., например: Г. Ф. Благова, Тюркск. *чабатай* — русск. *чагатай-дзугатай*, «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972; ее же, Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах*, сб. «Этнонимы», М., 1970.

(сема «удальства»). В обоих значениях слово *казак* проникло в русский язык. Сема социальной обездоленности — отсутствие земельного надела и имущества — была доминирующей для слова *казак* «наемный работник» в ранних русских фиксациях его, начиная с грамоты XIV в. (это подтверждается синонимичностью слов «казак» и «батрак»). Обездоленные крестьяне пополняли собою ряды тех бездомных степных скитальцев русского происхождения, которые «в древности именовались бродниками, а впоследствии приняли имя казак» (А. А. Семенов). Воинственность казачьих вольниц, «побуждаемых... прелестью добычи воинской» (Н. М. Карамзин), согласовывала семантику этого имени с вторичной семой слова-оригинала.

Последующее перерастание окраинных казачьих вольниц сначала в сторожевые посты Московской Руси, а затем в привилегированное военное сословие землевладельцев коренным образом изменило на русской почве первоначальный социальный смысл слова *казак*. Сема «удальства»²⁰ продолжала поддерживаться взаимодействием с ведущей (третичной) семой военно-сословной привилегированности, между тем как первичная сема социальной обездоленности в этих условиях, резко противореча ведущей семе, стала неуместной, в результате она сохранилась лишь в отдельных севернорусских говорах²¹.

Тем временем и в Дешт-и-Кыпчак слово *казак* претерпело существенные изменения: объединившиеся в военный союз под этим названием осколки племен и родов положили начало этническому сплочению будущего казахского народа. С момента принятия Младшим и Средним жузами «Казачьей Орды» российского подданства (1731 и 1740) возникла жизненная необходимость чисто словесно различать русских казаков — привилегированное военное сословие и казаков-«инородцев», жителей новой колонии России. Разрешение этой проблемы было достигнуто административным насаждением с начала XVIII в. искусственно созданной композиты *киргиз-кайсака*²² для обозначения местного населения казахских степей. В этой композите в качестве первого определяющего компонента было использовано название соседнего родственного (*киргиз*) народа; второй же компонент подвергся сразу двум фонетическим трансформациям, возможным или когда-либо допускавшимся русским языком при освоении других ориентализмов, а именно — йотация открытого слога (ср. в русских летописях: *Кайсым* < *Касим*) и оглушение интервокального з.

Естественно, что это «колонизаторское» наименование, которое русские ученые уже с начала XIX в. считали «искаженным»²³ не могло удовлетворить ни пробуждающийся к национальной жизни народ, ни русскую научную мысль. Искусственно созданную композиту не спасло и то, что с 1832 г. делались попытки восстановить в составе композиты подлинное чтение *казак* — *киргиз-казак*, в конце XIX в. (1894) была осуществлена перестановка компонентов внутри нее — *казак-киргиз*. Само название *казак* было официально восстановлено только после Октябрьской революции — в 1925 г. В результате вновь стала прогрессировать нежелательная омонимия теперь уже чисто этнонимического характера,

²⁰ Ср. русск. арготич. *казак* «вожак преступников» (Н. К. Дмитриев, Турецкие элементы в русских аргах, в его кн.: «Строй тюркских языков», стр. 496).

²¹ Примечательно, что именно сема социальной обездоленности характерна для заимствования *казак* в немецком рабочем жаргоне ФРГ, куда оно проникло, скорее всего, из языка турецких рабочих-иммигрантов и где оно обозначает «рабочих, у которых нет постоянного места работы» [М. Ф. дер Грюн, Пленники стеклянных «гробниц», «За рубежом», 27 IX — 3 X 1973, 23 (693), стр. 24].

²² 1717 г. — *кайсаки*, 1721 г. — *киргиз-казаки*, 1725 г. — *киргиз-кайсаки*.

²³ См., например: А. И. Левшин, Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей, ч. 2, СПб., 1832, стр. 22.

поскольку в слове *казак* некогда ведущая сема военно-сословной привилегированности стала теперь чисто исторической, ее вытеснила сема принадлежности к этнографической группе (*кубанские казаки, донские казаки* и пр.). Лексико-семантические варианты *казак* «казах» и *казак* «лицо, принадлежащее к определенной этнографической группе (исторически: к привилегированному военному сословию)» превратились в самостоятельные слова в 1936 г., когда для первого был официально введен искусственно созданный вариант *казах*, который незамедлительно укоренился в русском общенародном языке в качестве лексемы-термина. Негативная грамматическая корреляция по признаку словообразования и выражения женск. рода закрепила окончательное размежевание этих двух слов. Ср. *казак* — *казачка*, но *казах* — *казашка*; *казацкий/казачий* и *по-казацки/по-казачьи*, но *казахский* и *по-казахски*.

6.1. Итак, в основе выделения базовой ЛСГ, как оказалось, лежат три типа корреляции — семантическая, грамматическая и лексическая. Иными словами, эти три типа корреляции являются средствами системной организации ЛСГ; системность развития ЛСГ обнаружилась в строгом соблюдении всех трех типов корреляции.

Отношения фонетической корреляции выходят за пределы одной ЛСГ. Фонетическая корреляция и негативная грамматическая корреляция (полностью), лексическая и семантическая корреляции (частично) служат средствами системной организации терминологического микрополя тюркской этнонимии в русском языке. Исторически вариантность этнонимов преодолевалась также при строгом соблюдении фонетической и семантической корреляций, при негативном проявлении грамматической корреляции (четкое распределение различных словообразовательных форм, как и форм мн. числа, а также женск. рода, между вариантами, приобретающими статус самостоятельных слов).

6.2. Состав базовой ЛСГ исторически изменялся, явственно расширяясь в периоды активизации стихийных терминологических поисков, сопровождавших эволюцию отечественной тюркологии как специальной отрасли науки, и резко сужаясь при сознательно-организованном отборе этнонимов, завершившемся в целом в 1936 г.

В языке русской ученой книжности XVII—XVIII вв. преобладающим было употребление базового этнонима *татары*; пара *турки* — *тюрки*, хотя и входила в состав базовой ЛСГ, имела, однако, гораздо меньшую частотность, нежели *татары*. Терминологическая недифференцированность этого времени, доставшаяся отечественной науке от общенародного словоупотребления и поддерживаемая западноевропейской книжностью, вполне согласуется с тем, что с началом XVIII в. связывается зарождение научной тюркологии в России, а XVIII в. в целом считается периодом, когда «был заложен фундамент, на котором развивалась отечественная тюркология в следующем столетии»²⁴.

Терминологические поиски в изучаемой области особенно заметно активизируются в конце 20-х годов XIX в. в связи не только с расширением диапазона тюркологических исследований, но и с постановкой на научную основу преподавания тюркских языков, с введением преподавания их во все большее число русских учебных заведений. Начиная с этого времени в состав базовой ЛСГ входили: а) фонетико-семантические (синонимические) варианты *турки* — *тюрки*, которые использовались сначала чуть ли не на равных правах с базовым этнонимом *татары*, а впоследствии все более вытесняли его; б) такие неустоявшиеся термины,

²⁴ А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период, Л., 1972, стр. 94.

как окказиональная композита с дублетными вариантами *турко-татары* и *тюрко-татары*, соответственно более частотные *турецко-татарский* и *тюрк(ск)о-татарский*.

После официального упорядочения этнонимической терминологии в 1936 г. базовая ЛСГ насчитывает всего два члена: слово *тюрки* и композиту *татаро-монголы*, сохраняющую историческое значение. Слова *татары* и *турки* перешли в разряд конкретно-видовых этнонимов; композиты *турецко-татарский*, *тюрк(ск)о-татарский* вышли из употребления.

6.3. С конца XIX в. по 30-е годы XX в. в русском языке развилась омонимичность слова *тюрки* по причине совмещения в нем сем обобщающей и видовой («азербайджанец»). Утрата этим словом видовой семы связана с перемещениями внутри базовой ЛСГ и сказалась непосредственно на утверждении этнонима *азербайджанец* в качестве официального видового термина.

Столь же явным образом зависят от стабилизации видового этнонима *турки*, во-первых, положение слова *осман(ц)ы* (соответственно — *османский*) внутри изучаемого терминологического микрополя и, во-вторых, утверждение в качестве официальных этнонимов *туркмены*, *трухмены*.

6.4. Таким образом, если при исследовании путей изменения семантической структуры тюркских этнонимов в русском языке обратиться к сопоставлению их с тюркскими прототипами и их эволюцией в языке-источнике, то на первый план выдвигается вопрос о способах преодоления возникающей вариантности. При всей индивидуальности этих способов существуют некоторые комбинации факторов — как собственно языковых, так и экстралингвистических, которые обуславливают возобладание того или иного способа. Эти комбинации могут быть следующими:

1) Многозначность этнонима в языке-источнике и обобщающе-комплексное значение его в русском языке, при этом заимствование может быть однократным или многократным: а) единичное проникновение этнонима (*татары*) в русский язык при наличии немногих фонетических незначимых дублетных вариантов; б) неоднократные, одновременные заимствования с фонетико-семантическими вариантами (*турки* — *тюрки* и их исторические варианты).

2) Однозначность этнонима в момент заимствования в обоих языках при неодинаковых последующих условиях: а) сохранение этнонимом одного значения на всем протяжении его бытования в обоих языках (*азербайджан* —) вопреки существующим вариантам; б) консервация одного значения у этнонима в русском языке по причине перехода означаемого понятия в разряд историзмов в языке-источнике и возможность факультативного ответвления вариантов (*османский* — *оттоманский* и *оттоманка*); в) последующая семантическая эволюция прежде однозначного этнонима в связи с автономным развитием территориально обособленной части народа (северокавказские, или ставропольские, туркмены) при лексико-семантическом обособлении одного из русских вариантов (*трухмены*); г) независимое друг от друга развитие одного этнонима в языке-источнике и в русском языке при первоначальном отсутствии вариантов у заимствования (*казак*) и последующее закрепление искусственно созданного варианта (*казах*) в качестве самостоятельного термина.

Статус самостоятельных слов, а не вариантов сразу же приобретали двукратные заимствования одного слова, которые проникали в русский язык через устный и книжный каналы и которые соответственно закреплялись за принципиально разными сферами использования — просторечьем и книжным языком. Такие этимологически идентичные слова имеют

в русском языке различные значения и применения, а также существенно различаются по звуковому облику: книжное слово в наибольшей степени сохраняет фонетическую «неприкосновенность» заимствования, просторечное слово вмещает в себя все фонетические изменения, вызванные освоением его не только русской разговорной речью, но и тюркской диалектной средой (см.: *басурманин/бусурманин — мусульманин*).

6.5. Изучение способов преодоления вариантности, как и выделение намеченных комбинаций, было бы неосуществимо в пределах как плана истории отдельных слов, так и собственно внутренней лингвистики, при оперировании лишь вариантами изучаемых слов.

Теперь, когда изучение ориентализмов в русском языке считается одной из «сложных задач, до сих пор не получившей удовлетворительного решения»²⁵, все труднее становится признавать «единственным способом интерпретации слова или термина» метод этимологической гипотезы²⁶. Думается, что при системном подходе к рассмотрению ориентализмов по лексико-семантическим группам в дополнение к названному способу интерпретации необходимо применять методическое требование «сочетать историко-морфологический анализ слов с культурно-историческим изучением самих соответствующих предметов, явлений или понятий»²⁷, равно как и методику семантического сопоставления заимствований в русском языке и их прототипов в языке-источнике по возможности не только в синхронном, но и в диахроническом планах.

Без такого сопоставления в области истории слова как в заимствующем языке, так и в языке-источнике (геср. языке-передатчике), без комплексной обработки полученных сведений, без обращения к истории народов-носителей этих языков и к истории их материальной культуры бесплотными и отвлеченными окажутся исследования не только тюркских этнонимов, но и прочих тюркизмов и ориентализмов русского языка, равно как и заимствований из русского языка в языках народов СССР²⁸.

²⁵ Там же, стр. 252.

²⁶ Н. К. Дмитриев, О тюркских элементах русского словаря, в его кн.: «Строй тюркских языков», стр. 507, см. также стр. 505.

²⁷ В. В. Виноградов, Из истории слов, ВЯ, 1955, 5, стр. 104.

²⁸ Ср., например: Г. Ф. Блгова, Причуды заимствования, «Советская тюркология» (в печати).